Вообще-то с давних-давних лет я знал, что он никакой не Скиф, а Смирнов, Который Изменил Фамилию. Действительно, уж коль человеку подвластно писать стихи, да к тому же наособицу, то что ему стоит поменять полученное при рождении достаточно расхожее имя. А Скиф — это по-литературному: и красиво, и броско, и запоминается легко. Да и житейской правде псевдоним не противоречит: ведь недаром Александр Александрович Блок утверждал:

Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы
С раскосыми и жадными очами!

Словом, в одночасье Владимир Смирнов стал Владимиром Скифом. Ну а жадный до жизни взгляд был ему присущ, видимо, всегда. В чём нетрудно убедиться, почитав его «молодые» стихи:

Этот узкий перрон. Этот город пустой.
На столбах закоптелых — вороны.
Я у жизни учился. Я был холостой,
Как в ружье — холостые патроны.

Моя юность катила крутым колесом,
Рассиялись в полгорода спицы.
Мимо женщины шли, а в саду городском,
Словно девушки — пели синицы.

Я кружился с Наташей, о Вере скучал,
В небе месяц качался подковой…
Я свиданья в саду городском назначал
То Ратаевой, то Петряковой.

А потом неожиданно встретил любовь…
Словно лебеди — вскрикнули реки.
И единое тело, единую кровь
Поезда разлучили навеки.

Мой перрон до сих пор голосит о былом,
Твой перрон замолчал у вокзала.
Только звякает ворон железным крылом,
Как в кремень ударяет кресало.

К тому же с юности был он и великий фантазёр:

…Спускаются звёзды на нитках лучей
До кухни, до луковой грядки,
Звенят у соседей,
как связки ключей,
Что в сенях лежат в беспорядке.

Одна мне ресницы огнём обожгла.
Другая была ледяная…
Но только не верит никто из села,
Что двор мой — для звёзд проходная.

Я сам разуверился: «Сказки! Старо!»
Сложил перед школой тетрадки…
А вечером лук потянул за перо —
И вынул комету из грядки.

А вот ещё замечательное, но уже с трагическим наполнением стихотворение «Сторож»:

В нём живут пустые коридоры,
Тьма ночная, чуткая, как рысь.
В нём живут смоленские просторы,
Те, что в детстве Родиной звались.

Сторож долго и неслышно ходит
В беспросветной серой полумгле.
То в сторожке боль свою находит,
То в разбитом немцами селе…

А село он строил честь по чести
В довоенном памятном году.
В городе отыскивал невесте
Дорогую длинную фату…

Но война заполыхала мглисто —
Догорели избы в темноте,
И невесту плотника фашисты
На её повесили фате.

…Покупаю два сырка на сдачу
К чёрному убойному вину
И сижу со сторожем, и плачу,
Проклиная давнюю войну.

Как в землянке, полыхает плошка,
Валит снег над городом густой,
И обвита бедная сторожка
Скрученною белою фатой.

Три года назад мы с ним близко сошлись на Пушкинском празднике поэзии в Михайловском. Володя рассказал, что Скиф теперь не псевдоним, а самая настоящая его фамилия, указанная в паспорте. Что живёт он в Иркутске и на Байкале, где у него есть дом. Он читал новые стихи, в которых слышался его, в общем-то, уже солидный возраст. А я припоминал те — полувековой давности, заставившие меня когда-то раз и навсегда полюбить этого замечательного сибирского поэта.

Его «Незнакомку»:

Тебя узнал я.
В этом доме
Ты проживала в третьем томе
Записок Блока и стихов
Среди туманов и духов.

Ты неожиданно явилась,
Ты ожила и удивилась,
Что я с тобою не знаком,
Хотя любил тебя тайком.

Ты протянула мне перчатки,
Сказала тихо:
— Всё в порядке.

Я покидаю третий том,
Не покидая этот дом.

И я подумал: как жестоко —
Уйти из осени, из Блока!
Знакомой для знакомых стать
И прежней тайной не блистать.

Меня ты словно пролистала.
Сказала горько:
— Я устала
От нелюбви, от немоты…
Хочу слоняться у плиты,

Варить! Любить! Смеяться громко!
И улыбнулась незнакомка.
— Но кто ты? — изумился я.
— О Господи! Жена твоя!

И особенно «В гостях у пса»:

В гостях у пса
В просторной будке
Сидим и пьём вино вдвоём.
В гостях у пса сухую булку
Сидим и медленно жуём.

Он говорит мне:
— Надоело
Ночами лаять на луну,
На столб мочиться то и дело
И цепью цапать тишину.

Он говорит:
— Упали уши.
Теперь я стар и одинок.
А кобелям другим на ужин
Бросают лакомый кусок.

Теперь не лается, не спится
И суки стали обижать.
Теперь я пью.
Охота спиться,
Пропить ошейник
И сбежать.